

ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ

А.В. Лубский

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье рассматриваются различные представления об интеллектуалах и их социальных функциях, раскрываются особенности российских публичных интеллектуалов, культурные и когнитивные источники их политического цинизма, формы и способы его проявления в современном российском обществе.

Ключевые слова: интеллектуалы, публичные интеллектуалы, цинизм, политический цинизм, формула цинизма, циничный разум, цинизм «верхов», цинизм «низов», цинизм интеллектуалов.

Сегодня много говорят о политическом цинизме не только «верхов» (власти), но и «низов» (массы). Об этом свидетельствуют, в частности, доклады на Всероссийской научной конференции «Политический цинизм: концепт и постсоветская реальность» (Ростов-на-Дону, 27–28 марта 2015 г.), сделанные Л.Д. Гудковым «От двоемыслия к цинизму: общественная цена стратегии понижающей адаптации (по материалам исследований Левада-центра)», А.Н. Олейником «Конфликт формальных институтов и „человеческого“ как источник политического цинизма», А.В. Оболонским «Политический цинизм: концепт и российская реальность», С.А. Денисовым «Политико-правовой нигилизм и цинизм административного класса современной России».

Вместе с тем в эпоху постмодерна, или позднего модерна, цинизм, как отмечают исследователи, стал диффузным, повсеместно проникающим и универсальным явлением, захватывающим ключевые позиции во всех сферах общественной жизни [Слотердайк 2009: 30–32]. Не обошёл цинизм стороной и интеллектуальное пространство, став постоянным спутником интеллектуальных дискурсов, посвящённых политической повестке дня. В связи с этим особый интерес вызывает политический цинизм не только «верхов» и «низов», но и публичных интеллектуалов, позиционирующих свою автономию по отношению к власти и массам.

В дискурсивных практиках термин «интеллектуалы» имеет множество определений и наполняется различными коннотациями не только позитивного, но и негативного характера [Голиченко 2004: 42–61; Фадеева 2012: 108–138; Posner 2002; Etzioni, Bowditch 2006]. Достаточно вспомнить названия таких книг, как «Позор и слава интеллектуалов» (П. Виерек) [Wierek 1957] «Предательство интеллектуалов» (Ж. Бенда) [Бенда 2009], «Опиум интеллектуалов» (Р. Арон) [Aron 1957], «Могила интеллектуалов» (Ф. Лиотар) [Lyotard 1993]. Поэтому

одни учёные называют интеллектуалами особую группу людей, обладающую общим самосознанием и чувством превосходства, отчуждённости и обособленности [Heyck 1982], и предназначение интеллектуалов видят в «разрушении старых стереотипов и ограниченных категорий, которые стесняют человеческую мысль и общение» [Said 1994: 4]. Для других исследователей интеллектуалы — это профессиональные дилетанты, которые берутся рассуждать обо всем, поскольку они ничего не понимают [Schumpeter 1942]. В связи с этим одни считают интеллектуалов цветом нации, другие характеризуют их как людей опасных, не полезных для общества, своего рода социальных «паразитов».

На представления об интеллектуалах влияют также национальные культурно-политические традиции. Так, английский учёный Н. Аннан, автор теории «интеллектуальной аристократии», выделял такие ее особенности, как предпочтение стабильности, склонность к постепенным социальным преобразованиям, убеждение в необходимости честных методов в политике, сильный моральный импульс, дистанцирование от аристократии или плутократии, умение найти свое место в обществе [Annan 1955]. Б. Рассел отмечал, что интеллектуалы — это люди, «обладающие мужеством отвергать подчинение, не стремясь к господству» [Russel 1957: 19]. Французский учёный Р. Арон считал, что интеллектуалы — это люди идей и науки, это те, чьё призвание «формировать общественные идеалы и пути их достижения». В результате во французской традиции сложилось представление о «диктатуре интеллектуалов», направляющих общественное мнение страны [Арон 2005: 187]. Поэтому в научной литературе противопоставляются французские интеллектуалы, критически мыслящие, неконформистские и противостоящие политической элите, и английские интеллектуалы — некритические, конформистские, лояльные по отношению политической элите. В связи с этим в рамках французской традиции английские интеллектуалы — это не вполне или совсем не интеллектуалы.

Американский учёный Э. Шилз рассматривал интеллектуалов как представителей гомогенного класса, закрытого «для центров политической и социальной власти» [Shils 1970]. Другие американские исследователи подчёркивали, что интеллектуалы вследствие увлечённости творчеством, а также склонности к отказу от устоявшегося и традиционного бросают «вызов тому, что принимается и разделяется обществом в широком смысле» [Lipset 1972: 164].

В дискурсивных практиках «популярны размышления о том, что современные интеллектуалы уступают своим предшественникам по моральным качествам, талантам и общественным способностям». В частности, Ж. Бенда, как отмечают исследователи, заложил «традицию упрёков» в адрес интеллектуалов за увлечение идеологией. С.М. Липсет высказывает опасения, что интеллектуалы могут стать апологетами режима. Э. Шилз указывает на то, что интеллектуалам независимо от политических ориентаций не удаётся дистанцироваться от традиций или национальности: «ни консервативным интеллектуалам, сожалеющим о разрушении старого порядка, ни либеральным интеллектуалам, мечтавшим о свободном духом и политически человечестве». Ю. Хабермас, характеризуя миссию интеллектуалов в обществе, подчёркивает, что в прошлом интеллектуалы были обязаны различать «влияние» и «власть» и не употреблять то влияние, которого они добивались с помощью слов, в качестве средства для обретения власти. «Их делом было — не забывая о том, что и они могут ошибаться, — смело выдвигать нормативные мнения и с фантазией рисовать интересные перспективы» [Фадеева 2012].

Ю. Хабермас предложил идеальный тип интеллектуала: интеллектуал — это тот, кто, во-первых, способен первым почуять нечто важное и начинает волноваться по поводу определённых общественных тенденций «уже в тот момент, когда остальные ещё как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами», во-вторых, выдвигает плодотворные идеи и расширяет спектр релевантных аргументов, чтобы повысить уровень дискуссий в обществе. Вместе с тем Ю. Хабермас подчёркивает, что «интеллектуалы, оказывающие с помощью ри-

торически заострённых аргументов влияние на общественное мнение, нуждаются в общности — бодрствующей, информированной, способной на отклик». В связи с этим он выделяет такие факторы, необходимые для формирования интеллектуалов в качестве особой социально значимой группы, как наличие общности (публики) и правового поля (пространства свободы), в котором можно высказываться и получать отклик, а также возможность возражать властям и мобилизовывать массы [Хабермас 2006].

Публичное пространство, являясь местом политического бытия интеллектуалов, создаёт возможность для выражения ими определённых точек зрения на общество и происходящие в нем процессы. Публичное пространство, доступное всеобщему обозрению, выполняет, как отмечают исследователи, особую социальную функцию, поскольку здесь различные социальные группы неизбежно вступают в открытый коммуникативный контакт [Сеннет 2003: 24–25]. «Публичная сфера, в которой интеллектуалы плавали как рыбы в воде, стала, — как отмечает Ю. Хабермас, — более всеохватной, а общественный диалог — более интенсивным, чем когда-либо прежде». Вместе с тем он опасается, что «публичная сфера стала менее формализованной, а существующие в ней социальные роли — менее дифференцированными. Перед камерами в студии, где восхитительная ведущая собирает для разговора политиков, экспертов и журналистов, нет вакантного места, которое должен был бы занять интеллектуал. Нельзя сказать, что его там не хватает, ведь другие уже давно исполняют его роль, и даже лучше, чем он сам» [Хабермас 2006]. Более того, многие исследователи обращают внимание на то, что публичное пространство, понимаемое как универсальное и открытое для рационального обсуждения взглядов всеми гражданами, в настоящее время замещается пространством эстетической саморепрезентации, в котором «публичный человек» выступает скорее в роли зрителя, но не активного участника, а функции агоры перешли к парламенту и масс-медиа [Усманова 2005; Lippman 1927; The Phantom... 1993].

Вместе с тем публичное пространство продолжает оставаться полем символической борьбы, в котором основным оружием интеллектуалов остаётся публичное слово. В этом пространстве «слова, — как отмечает П. Бурдьё, — начинают жить публичной жизнью, то есть открыто, официально, когда они заставляют видеть или предвидеть вещи, существовавшие до этого в неявном, спутанном и даже вытесненном состоянии» [Бурдьё 1994: 221].

Актуализация публичного пространства происходит в условиях кризисов, переломных моментов, когда общество нуждается в новых ориентирах. В таких условиях наблюдается всплеск дискуссий о публичных интеллектуалах, сопряжённых с активизацией их критических функций, направленных на поиск новых ориентиров общественного развития. Эти ориентиры интеллектуалы вырабатывают в значительной мере в ходе анализа их собственной роли, миссии, политической и социальной ответственности. Поэтому «ни в одной стране и ни в один из исторических моментов эта роль и миссия, — как отмечают исследователи, — не сводились к узкопрактическим, прагматическим, утилитарным целям» [Фадеева 2012]. При этом Ч.Ф. Гаттон подчёркивает, что современному публичному интеллектуалу как социальному исследователю необходимо держать «здоровую дистанцию» от политики, чтобы не утратить объективности и чёткости анализа [Gattone 2006: 133].

В связи с этим немаловажное место в изучении публичной деятельности интеллектуалов отводится их общественной роли: умению генерировать идеи, влиять на общественное мнение, способствовать распространению новых идеалов и ценностей. Некоторые исследователи считают, что для интеллектуалов характерным является: «1) культурное кодирование, с помощью которого создают идентичности; 2) восприятие себя как носителей сакрального знания, миссионерский пыл; 3) двойственное отношение к социальным элитам, балансирование между безоговорочной кооперацией с властью и радикальной оппозицией ей, чтобы сохранить свою особость» [Нарский 2009: 170].

Вместе с тем в научной литературе отмечается, что публичные интеллектуалы составляют сообщество, обеспечивающее конкурирующие взгляды и идеологии. «В результате фор-

мируется два типа интеллектуалов: те, которые легитимируют господствующие ценности, и те, которые их отрицают, или, по меньшей мере, ставят под вопрос. Те, кто стремится сохранить status quo, и те, кто стремится его изменить» [Intellectuals 1987: 4]. В связи с этим выделяют такие интеллектуальные типажи, как: 1) «критический интеллектуал», дистанцирующийся от власти, ставящий под сомнение правомерность и полезность тех или иных ее действий, осознающий ответственность за публично высказанное мнение [Усманова 2005]; 2) «органический интеллектуал», ангажированный властью и разрабатывающий систему ценностей, необходимую для ее легитимизации [Бауман 2003].

В России интеллектуалов часто рассматривают в качестве властителей дум, предлагающих обществу разные варианты осмысления действительности и различные модели общественно-политического обустройства. При этом надо отметить, что в российском обществе интеллектуал может быть (а может и не быть) оригинальным мыслителем, но при этом отечественный интеллектуал должен быть всегда репрезентативным. В определенном социальном контексте он должен чётко и емко выражать и оформлять основные мировоззренческие и ментальные ориентации, присущие тем или иным социальным группам. В отличие от мыслителей, российские интеллектуалы редко придумывают ценностные или философские системы, они скорее оперируют ими, обозначая с их помощью реально существующие в обществе позиции, которые без этого оставались бы размытыми и ускользающими. В российском обществе интеллектуал является не источником «света», а «фокусом», концентратором экспертных мнений. Поэтому в настоящее время в России понятию «интеллектуал» в большой мере соответствует понятие «эксперт» в его нынешнем смысле, т. е. как человек, берущий на себя задачу выносить репрезентативные суждения по разным поводам. Но это эксперт особого рода: для него важна не столько подготовка, сколько темперамент и склад характера.

Часто к интеллектуалам в России относят учёных с гуманитарным складом мышления, которые на практике являются «работниками отечественного пиара». Это своего рода ловкие и расторопные менеджеры, способные осуществлять технологичное сопровождение какого-либо властного, экономического, политического или социального проекта. Особого отношения к интеллектуальной сфере они не имеют, поскольку являются работниками сферы «инжиниринга», технически включающего в себя легковесную манипуляцию со «слоганами», фразами, информационными (стилизованными эстетически) потоками и всегда имеющего строгую конкретную прагматическую (оплаченную конкретным заказчиком) цель.

В России интеллектуалы как эксперты могут придерживаться разных — подчас полярных — систем ценностей. Их можно приблизительно разделить на интеллектуалов-консерваторов и интеллектуалов-прогрессистов, интеллектуалов-западников и интеллектуалов-традиционалистов, интеллектуалов с социалистическими симпатиями и интеллектуалов с рыночно-либеральными взглядами. Каждый политически ангажирован и оригинален в оформлении своей ценностной позиции, поскольку системы интеллектуальных ценностей в России, как правило, носят гибридный характер.

Ангажированность российских интеллектуалов заставляет задуматься над вопросом, почему у нас мало рефлексизирующих субъектов, способных отстраненно вести диалог с участниками политического процесса. Некоторые исследователи это объясняют тем, что у «мыслящего» класса России в 90-х гг. прошлого века были утрачены социальные амбиции. Его представители были счастливы тем, что их просто не трогали и радовались тому, что им можно было «съездить в Париж, почитать лекции в Америке, перехватить грантик в Фонде Сороса, почитать Деррида на русском языке» [Я требую... 1996: 9].

В современной России много и таких интеллектуалов, которые постоянно норовят попасть в ногу с «велениями времени» и политическими модами, становясь, как отмечает В.П. Макаренко, «идеологическими» холуями власти [Макаренко 2008: 100]. Немногие отваживаются противостоять конъюнктуре, чётко формулируя свою интеллектуальную позицию. В связи с этим исследователи считают, что интеллектуалам должна быть присуща такая жиз-

ненная интенция, как дистанцирование от власти, поскольку объективная и последовательная ее критика возможна только с позиции субъекта, не участвующего в политической игре и действующего за рамками политического поля. Дистанцирование интеллектуалов — это также «полемика с существующими формами неравенства и монополии, это разработка концепций, ставящих под вопрос формы информационного и познавательного империализма извне и изнутри» [Макаренко 2001: 31].

В идеале интеллектуал — это тот, кто способен оригинально решать задачи, вставшие на повестку дня, в рамках определённых ценностных ориентаций, дистанцируясь от каких бы то ни было предпочтений, господствующих в обществе. При этом у интеллектуалов должно быть такое качество, как способность слушать и слышать других, признавая за ними право на «свою правду». Однако с этим в российском обществе проблемы. Более того, очень часто субъекты, считающие себя интеллектуалами, отказывают в праве называться интеллектуалами другим, проповедующим иные взгляды. Публичные интеллектуалы в России — это люди размышляющие, пишущие и говорящие, формирующие общественное мнение, а чаще всего его заменяющие. Российские интеллектуалы, апеллируя к «массе», постоянно находятся в дискурсе с политической властью, время от времени стремясь во власть.

Политический дискурс как поле интеллектуальной самопрезентации российских интеллектуалов, представляет собой, с одной стороны, многообразие суждений о политической действительности, ансамбль смысловых схем, образующих политическую реальность, с другой — когнитивное поле конкурентной борьбы, связанной с производством политического знания. Специфической ставкой в этой борьбе является монополия на компетентность, понимаемая как социально признанная за определённым интеллектуалом способность легитимно высказывать «истинные или правдивые суждения» о политической действительности.

Политический дискурс как рационально организованный социокультурный способ вербальной артикуляции имманентно-субъективного содержания сознания и экзистенциально-интимного содержания политического опыта, будучи включённым в социокультурный контекст, не может быть индифферентен по отношению к российской политической власти. Поэтому российские интеллектуалы в политическом дискурсе выполняют противоположные функции, занимаясь или интеллектуальным обеспечением политических проектов и легитимацией политических акций, или интеллектуальной критикой политических проектов и делегитимацией политических режимов.

Отсюда вытекает такая особенность российских интеллектуалов, как глубокий политический и ментальный раскол, основанием которого выступает несовместимость идеологием общественного развития России. В результате российский интеллектуальный дискурс часто превращается в «коммунальную квартиру». Отстаивая различные пути развития России, представители различных идеологием имеют свои критерии социального и политического значимого, свой язык и свою аргументацию, что затрудняет коммуникацию в сообществе российских интеллектуалов.

Ангажированность политического дискурса в России связана с воображением интеллектуалов как идеологической проекцией того, каким общество хочет видеть себя. В результате интеллектуальный дискурс становится противостоянием позиций, соотносимых прежде всего с «большими идеологиями», апеллирующими к «прекрасному будущему» или «удивительному прошлому», и, соответственно, связанными с презентацией будущего или прошлого России, опрокинутых в ее настоящее.

Ангажированность интеллектуального дискурса в современной России, обнаруживаемая в ригоризме идеологических суждений, напоминает ситуацию, о которой П. Слотердаjk писал так: «В соревновании за самое жестокое сознание жестоких фактов друг друга наставляли дьявол и сатана. Из конкуренции сознаний возник двойной, сумеречный свет, характерный для современности: взаимное выслеживание идеологий, ассимиляция противоположностей, модернизация обмана, короче говоря, то отсылающее философа в пустоту положение, в

котором лжецы называют лжецов лжецами... За наплевательским отношением ко всем проблемам стоит в конечном счёте предчувствие того, что случилось бы с нами, получи мы о них полное представление» [Слотердаjk 2009: 7–14]. В результате в современном российском обществе многое превращается в симулякры или становится ложью, если только не совершенно наивным выражением элементарной некомпетентности.

Дискурсивное интеллектуальное сообщество в России оказалось не в состоянии предложить ничего нового, что оказалось бы привлекательным или убедительным для всего общества. Дефицит креативности в современном российском обществе во многом обусловлен особенностями стиля мышления отечественных интеллектуалов. Характеризуя этот стиль, известный российский культуролог В.Н. Иванов писал: «Мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием не критичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса» [Иванов 2005: 15–16]. Дефицит когнитивной креативности порождает в российском интеллектуальном сообществе интеллектуальное эпигонство и интеллектуальную моду.

Дефицит когнитивной креативности, наряду ангажированностью интеллектуального дискурса, обнаруживаемой в ригоризме оценочных суждений, делает самих российских интеллектуалов с течением времени преимущественно маргиналами и в общественном мнении, и в глазах представителей политической власти. В результате можно выделить такую особенность публичных интеллектуалов в российской политике, как их фантомность. В постсоветской России многие публичные интеллектуалы в политике выскочили как «черти из табакерки», а потом «сгнули, оставив после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память. А ведь некоторые из них, — как пишет Ж.Т. Тощенко, — занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения» [Тощенко 2015: 55].

Если для одних российских интеллектуалов перманентная лояльность по отношению к государству обусловлена их этатистской ментальной программой, то для других интеллектуалов интенция постоянной борьбы с государством, несмотря ни на какие реалии общественной жизни, связана с традициями российской интеллигенции, основанными на «страхе» перед государством. Причём эта борьба направлена не на улучшение государства, а борьба с государством как таковым, имеющая целью показать, что мы, интеллектуалы-интеллигенты, не с государством, мы против, мы сами по себе.

Особенность российских интеллектуалов проявляется в антиномичности их сознания: неуёмное стремление к обладанию символической властью парадоксальным образом соединяется и них с патологическим стремлением к славе. В частности, в декабре 2011 г. французский еженедельник новостей «L'Express» так охарактеризовал одного из известных в ту пору интеллектуалов России: «Владислав Сурков, серый кардинал и циничный идеолог режима, манипулирует театриком российской политической жизни... Как бы его ни называли, „кремлевским кукловодом“ или „путинским Распутиным“, все сходятся в том, что Владислав Сурков — наиболее влиятельный советник в российской политике... во многом благодаря уму и беспринципности». В. Сурков убеждён, что настоящих демократий не существует. «С его точки зрения, главное — влиять на людей, давая им иллюзию свободы» [Гилден, Шевелкина 2011].

В связи с уходом В. Суркова с поста главы администрации президента в «гламурной» публицистике ему была дана такая характеристика: «Владислав Юрьевич человек очень начитанный, образованный, интеллектуал, любитель Миро и Сартра. Этот человек хотя бы говорил на одном языке с своими „жертвами“ и умел отравить их своим ядом магической силы, красноречия и цинизма. И Сурков, безусловно, понимает людей. Их природу, их слабости. Сурков — не негодяй и не Геббельс, он — качественный, верный работник и эффективный менеджер в предложенных обстоятельствах. Зло не в нем — он лишь его отражение. Другими

словами, вся его вина состоит в том, что он на публичном доме ... старательно и усердно выводил „магазин плюшевых игрушек“ и рисовал трогательного мишку на витрине. И делал он, надо сказать, это талантливо» [Собчак 2011].

Антиномичность сознания интеллектуала В. Суркова проявлялась в том, что он одновременно занимался легитимацией политического режима, придумав, например, эвфемизм «суверенная демократия» для прикрытия авторитарных политических тенденций, и делегитимацией политического режима, опубликовав под псевдонимом роман «Околоноля», в котором с невероятным цинизмом описывает испорченные нравы российского политического класса. Стремление к славе у российских интеллектуалов порождает нарциссизм. Поначалу никто не заметил книжку В. Суркова, «тогда автор, — отмечает политолог С. Белковский, — мобилизовал свои связи и потратил огромные деньги, чтобы её признали шедевром». По роману даже был поставлен спектакль, режиссёра которого затем вознаградили. По признанию одной из журналисток, «на премьере обычно сдержанный Сурков раздувался от гордости» [Гилден, Шевелкина 2011].

Атрибутом интеллектуального сознания в России выступает политический цинизм. Под цинизмом вообще можно понимать мировоззрение, воспринимающее моральные ритуалы как мешающие или избыточные для решения практических задач, приводящее к девальвации нравственных принципов и порождающее откровенное, вызывающе-пренебрежительное отношение к нормам общественной морали. При этом цинизм выступает в двух ипостасях: с одной стороны, говорить о том, что есть на самом деле, обнажая социальные и индивидуальные пороки, с другой — говорить без всяких моральных условностей, дискредитируя, унижая или принижая оппонентов.

Цинизму присущи социальное обнажение и унижение, ценностное снижение и принижение, принципиальный нигилизм и аморализм, демонстративность и издёвка, гротеск и насмешка. Поэтому какой бы заманчивой ни казалась интеллектуальная сторона цинизма, он является, как писал О. Уайльд, «всего лишь удобной философией для человека, лишённого души». Циники, подобно людям, берущим свои мысли «напрокат в некоей разъездной библиотеке идей и в конце каждой недели возвращают их растрёпанными», всегда «стараются брать свои чувства в кредит и не желают платить, когда им присылают счёт». «Циник, — замечает автор — человек, знающий всему цену, но не знающий ценности» [Уайльд 2000: 510–511]. Циник всегда находится по ту сторону добра и зла, не различая плохого и хорошего. В связи с этим П. Слотердаjk пишет, что цинизм неизбежно появляется тогда, когда наше сознание делает шаг, выводящий на позицию по ту сторону добра и зла, и есть два способа, какими достигается такая позиция — это знание и власть [Слотердаjk 2009: 204].

Следует различать цинизм «верхов» и цинизм «низов». Цинизм «верхов» основан на подавлении. «Цинический господин, — замечает П. Слотердаjk, — приподнимает маску, улыбается своему слабому противнику по игре — и тем подавляет его» [Слотердаjk 2009: 194]. Цинизм «верхов» в России базируется на насилии, которое является атрибутом государственно-организованного общества и мобилизационного социотипа развития [Лубский 2014; Аникеев, Лубский 1997]. Цинизм в современной России есть также следствие девальвации морали в обществе на всех уровнях его социальной организации.

Цинизм «верхов» в России во многом обусловлен тем, что в ней практически отсутствует влияние общества на государство. Поэтому властная элита в российском обществе формируется в рамках государственных структур, конституируя при этом высший эшелон административно-политической бюрократии в качестве политической элиты [Гаман-Голутвина 2006: 53]. Для понимания специфики политической элиты значение имеет то, что российское государство является разновидностью служилого государства, поэтому политическая элита как высший эшелон бюрократии формируется в нем на основе принципа «привилегий за службу». Служебный характер политической элиты в России ограничивает возможности ее рекрутирования по признаку происхождения, наличия собственности или финансового капитала.

Служебный принцип рекрутирования политической элиты в государствоцентричном обществе предполагает наличие таких ее характеристик, как предельную собранность, способность к подчинению и мобилизации общества, склонность к насилию и, как следствие, политическому цинизму [Кислицын, Лубский 2014: 4–5].

Отсутствие влияния «низов» на деятельность политической элиты в России приводит к ситуации, которая хорошо описана в специальной литературе. «Как только господское сознание хоть немного демаскируется своим цинизмом, оно, — как отмечает П. Слотердаjk, — с головой выдает себя противостоящей ему силе. Но что происходит, если такой силы нет? В обществах, в которых больше нет никакой эффективной моральной альтернативы, а силы, потенциально способные к сопротивлению, оказались встроены в аппарат власти, больше никому возмутиться по поводу цинизма господствующей власти. Чем более безальтернативным кажется современное общество, тем больше цинизма оно себе позволяет. В конце концов оно начинает иронизировать над своими собственными легитимациями. „Основополагающие ценности“ и оправдательные словесные ухищрения плавно переходят друг в друга. Власть имущие на политической и экономической сцене становятся болтливыми, шизоидными, легкомысленными» [Слотердаjk 2009: 195]. В такой ситуации обратной стороной политического цинизма элиты начинает выступать цинизм «низов» по отношению к власти. Неуважительное отношение «низов» к политической элите, а политической элиты к «низам» является одним из источников политического цинизма в России, основанном на взаимном ценностном снижении.

Политический цинизм «низов» во многом обусловлен также неудачами модернизационных преобразований в современной России. Массовое разочарование «низов», испытывающих «боль» и «муки» от последствий модернизации «сверху», порождает цинизм, проникающий во все сферы общественных отношений и ставящий их участников по ту сторону добра и зла, не проводя пограничную черту между плохим и хорошим.

Вообще политический цинизм народа является, как отмечал А. Камю, продуктом массового общества, разочарования в социальных механизмах и идеализированных ожиданиях, недоверия к организациям и авторитетам, накопленного отрицательного социального опыта, выражения негативных чувств. В этом плане циник из народа является нигилистом и «бунтующим человеком», который ставит под сомнение все ценности и нравственный миропорядок [Камю 1990: 229]. В связи с этим следует отметить, что цинизм — он от природы человека и его политической культуры, а не от природы политического режима, хотя природа политического режима создаёт условия для проявления тех или иных сторон природы человека. Циничная природа просыпается тогда, когда появляется уверенность, что у нас все неправильно и никуда не годится.

Кроме политического цинизма «верхов» и «низов», есть политический цинизм интеллектуалов. Политический цинизм интеллектуалов, это, как писал А. Камю, «упразднение всяких политических норм, моральных ценностей и принципов, подмена их фактом, калифом на час, но калифом реальным». При этом философ подчёркивал, что «цинизм как политическая позиция логичен лишь как функция абсолютистской мысли, то есть как абсолютный нигилизм, с одной стороны, и абсолютный рационализм — с другой» [Камю 1990: 343].

Если «низы» ощущают, что в обществе что-то не так, то интеллектуалы, рассуждая по этому поводу и обнажая «порочную сущность», претендуют на «истину в последней инстанции». В следствие этого, в суждениях интеллектуалов всегда присутствует момент циничной агрессивности, связанный с полным «обнажением» социальной ситуации и стремлением к срыванию покровов конвенций, абстракций, лжи и засекречиваний. При этом П. Слотердаjk отмечает, что «циническое мышление может проявиться только тогда, когда возможны два взгляда на вещи — официальный и неофициальный, стремящийся завуалировать истину — с позиции героя и стремящийся видеть ее во всей наготе и неприкрытости — с позиции камер-

динера. В культуре, в которой регулярно лгут, возникает желание знать не просто истину, а неприкрытую истину, истину во всей ее наготе» [Слотердаjk 2009: 334].

Публичный интеллеktуал стремиться быть не только критиком, но и реалистом. Быть реалистом для интеллеktуала — это, значит, находится по ту сторону добра и зла, где «он, освободившись от метафизических и моральных предрассудков, беспристрастно и сухо изучает происходящее». В связи с этим «реалистическое» мышление интеллеktуалов, считает П. Слотердаjk, «вынуждено постоянно пользоваться аморальной свободой, чтобы обрести ясность взгляда» [Слотердаjk 2009: 294].

Политический цинизм публичных интеллеktуалов как крайняя форма политической безнравственности и как установка их политического сознания и дискурсивных практик, связан с интеллеktуальным снобизмом и высокомерием. «У интеллеktуалов, — пишет П. Слотердаjk, — зрение часто оказывается притупленным — не в последнюю очередь потому, что они в период учёбы постоянно насилуют свои глаза: им приходится читать такие вещи, которые не позволяют взору проникнуть в свои глубины. Их глазам приходится служить только лишь инструментами для чтения, и нет ничего удивительного в том, что взгляд на мир у таких людей, привыкших видеть только чёрные строчки на белом, расходится с действительностью... Знание, свойственное господскому цинизму, накапливается в интеллеktуальных головах и выдаёт себя неподвижным, застывшим взглядом, а также печалью во взоре и его ледяной холодностью. Этот взор фиксируется на вещах, в которые господский цинизм не может проникнуть и в отношении которых он предпочёл бы, чтобы они вообще не существовали» [Слотердаjk 2009: 238–239]. Вместе с тем интеллеktуальный цинизм смотрит «на действительность взглядом великого владыки и повелителя» [Слотердаjk 2009: 280].

Публичные интеллеktуалы-критики проявляют цинизм как по отношению к «массам», так и по отношению к «власти». «Массы» они «держат за дураков», а «власть» — за «недалёких и беспринципных дельцов». Обратная сторона — это цинизм «низов» («простого человека») по отношению к интеллеktуалам, т. е. к тем, кто в России всегда «в очках и шляпе», а также цинизм «власти» по отношению к интеллеktуалам, которые в глазах чиновника являются «болтунами и бездельниками».

Цинизм публичных интеллеktуалов проявляется и по отношению к своим «собратьям по интеллеktуальному цеху» в демонстративном и взаимном обнажении «пороков» и ценностном «снижении» оппонентов, сопровождаемом их демонизацией и наклеиванием ярлыков. Надо отметить, что страсть к наклеиванию ярлыков, выступающая в качестве эквивалента публичных оскорблений, является общим признаком цинизма интеллеktуалов в России, поскольку, чем более ярлык выглядит стигматизирующим и неопределённым, тем, следовательно, в глазах «общественности» он становится неопровержимым.

Многие публичные интеллеktуалы в России не уважают не только своих оппонентов, но и самих себя: не научившись уважать себя, не научились уважать других. Поэтому аморальными источниками цинизма таких публичных интеллеktуалов являются тщеславие, гордыня и зависть. Когнитивные истоки цинизма публичных интеллеktуалов в современной России обусловлены тем, что российское общество бросает им «вызов» — «вызов» сложности и неопределённости. Однако из российского интеллеktуального клуба, который более похож на коммунальную квартиру, слышаться ответы на этот вызов более ангажированные и брюзгливым, чем выверенные и меткие. В такой квартире проявляется стремление, как пишет П. Слотердаjk, больше покриковать, чем подвергнуть критике [Слотердаjk 2009: 14]. Это свидетельствует о том, что рост числа проблем в российском обществе, в котором обнаружилось «множество трещин и множество перспектив», обгоняет рост способности интеллеktуалов к креативному мышлению.

Политический цинизм публичных интеллеktуалов, обусловленный их ментальной программой, часто сопровождается бредовыми политическими идеями. Политический бред публичных интеллеktуалов проявляется прежде всего в политических умозаключениях, не соот-

ветствующих реальности, в ошибочности которых патологически убеждённого в их правильности субъекта невозможно разубедить. Политический бред часто является следствием непомерной политической амбициозности публичных интеллектуалов, основанной на обострённом самомнении и самолюбии, мании величия и мании преследования. Политический бред публичных интеллектуалов зачастую носит аффективный характер, сопровождаясь относительно кратковременными, но сильно протекающими эмоциональными переживаниями (ярость, ужас, страх, отчаяние, тревога). Политическому бреду часто сопутствует ощущение неясной опасности, когда, например, параноидный бред преследования выливается в такую установку мышления и поведения публичных интеллектуалов, которая связана с истолкованием политических акций как различного рода «заговоров» и направлена на «поиски врагов».

Антиномичность сознания публичных интеллектуалов проявляется в сосуществовании противоположностей, связанных с абсолютизацией политического разума и политической веры. Игры политического разума интеллектуалов превращают политический дискурс в циничный перформанс. Политическая вера публичных интеллектуалов, заключающаяся в полном и безоговорочном принятии ими какой-либо политической информации, являющейся основой их политических представлений, базируется на признании чего-либо политического истинным с такой решительностью, которая превышает силу любых фактических и формально-логических доказательств. Поэтому политическая вера выступает одной из основ политического «Я» публичных интеллектуалов, определяя их политические суждения и политические поступки. Так, например, вера в особое предназначение какого-либо народа зачастую служит для публичных интеллектуалов оправданием всякого имперского или национального цинизма.

Дискурс-анализ позволяет выделить несколько формул политического цинизма публичных интеллектуалов в России. Первая формула: ценностные ориентации «масс» используются ими, с одной стороны, как ресурс аргументации и интеллектуальной гегемонии, а с другой — как средство для достижения целей определённых «групп интересов» путём представления интересов этих групп в качестве национальных интересов. При этом надо отметить, что вопрос о национальных интересах решается в зависимости от того, какие субъекты является, по мнению интеллектуалов, их выразителями — государство, нация или этнос.

Публичные интеллектуалы в России — это идеологически ангажированные субъекты, подчиняющие мораль идеологии. Этим определяется вторая формула политического цинизма публичных интеллектуалов: нравственно все то, что служит делу либерализма, консерватизма, национализма или коммунизма.

Публичные интеллектуалы в России — политические реалисты и прагматики, стремящиеся прежде всего к выгоде в контексте правовой риторики. Отсюда третья формула политического цинизма публичных интеллектуалов: друзьям — все, врагам — закон.

Многообразны лики публичных интеллектуалов-циников в современной России: это «политические властолюбцы», «интеллектуальные нарциссы», «идеологические жрецы», «романтические авантюристы», «искатели славы». Но особенно следует выделить «политических фарисеев», «политических фаддистов» и «политических свистунов». У «политических фарисеев» наблюдается вопиющее расхождение между заявляемыми идеалами и личными поступками. «Политическим фаддистам», или «сверхупростителям», нужны ответы на все случаи жизни, они ищут, как отмечает Э. Тоффлер, «простого, изящного уравнения, которое сможет объяснить весь комплекс новизны, угрожающий его поглотить». Беспорядочно хватаясь за те или иные идеи, они временно становятся истинно верующими. Это помогает объяснить фаддизм как неистовую интеллектуальную придурковатость [Тоффлер 2002: 392–393]. «Политические свистуны» появляются в условиях шока от настоящего, когда не бывает такой нелепости и такого безумства, которые не могли бы рассчитывать на успех. Время «свистунов» — это время всевозможных интеллектуальных «безобразий» по поводу либерализма, консерватизма, национализма, патриотизма и гражданственности, время обесценивания лю-

бых ценностей, традиций и новаций, время погружения в виртуальную реальность [Лубский 2011: 19–28].

В современной России публичных интеллектуалов много, но «днём с огнём» не сыщешь в ней сегодня интеллектуальных авторитетов в публичной жизни. В данном случае речь идёт не о тех, кто обладает экспертным знанием или занимает видное положение в российском истеблишменте, а тех, кто обладает интеллектуальным и духовно-нравственным превосходством. Публичные интеллектуалы на службе у власти обнаруживают рьяный реалистически-оборонительный цинизм, публичные интеллектуалы на службе у оппозиции проявляют агрессивный утопически-наступательный цинизм. В результате многие полезные идеи последних лет оказались, как подчёркивают исследователи, опороченными «только тем, что их поручили озвучить деятелям, которые не пользуются в народе не то что авторитетом, а и просто уважением. Соответственно и идеи эти были восприняты с противоположным знаком» [Демурин 1014].

В связи с этим хочется вспомнить статью Н.Н. Страхова «Воздушные явления», опубликованную в 1883 г. В ней он отмечал, что «авторитеты не лежат готовые на дороге, их нужно создать, нужно как здание сперва возвести, а потом укреплять и поддерживать. Земля, на которой нет таких зданий, — пустыня. Общество, в котором нет авторитетов, такая же пустыня в умственном отношении. Авторитет есть власть, следовательно, начало устроительное, связывающее, централизующее. В обществе, где не возникают авторитеты, господствует или совершенная анархия, неурядица мысли, или ещё вернее — лень и апатия, безжизненность и спячка». Далее автор отмечает, что «в обществе, где господствует анархия мысли, в обществе возбуждённом, но страдающем, так сказать, отсутствием умственных властей, начальство над умами может легко достаться силам не вполне здоровым и правильным. Против этого зла есть только одно средство спасения — именно деятельность здоровых и правильных авторитетов; они должны составлять твёрдое препятствие и оплот против ненормальных влияний» [Страхов 2010: 122–123].

Отсутствие таких авторитетов, «бедность умственной жизни, слабое проявление и развитие основ нашего духовного строя, вот положение, при котором, — как подчёркивал Н.Н. Страхов, — возможны хаос и неурядица». Россия, писал автор, есть государство, в котором огромное множество мест и положений наполнены людьми малообразованными, подделывающимися под образование. Говоря сегодняшним языком, людьми далеко не интеллектуальными. «А какой первый, бросающийся в глаза признак образованности? — спрашивал Н.Н. Страхов. — Конечно, свобода мысли, возможность о каждом деле свое суждение иметь, неподчинение авторитетам, самостоятельный взгляд». Отсутствие этого приводит к передразниванию самостоятельности и свободы суждения, и «начинается дешёвый скептицизм, копеечное, лакейское критиканство» [Страхов 2010: 125–126].

Аникеев А.А., Лубский А.В. 1997. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа. — *Научная мысль Кавказа*. — № 3.

Арон Р. 2005. Опиум интеллектуалов. — *Логос*. — № 6 (51).

Бауман З. 2003. Законодатели и толкователи. — *Неприкосновенный запас*. — № 1(27). — Доступно: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html>. — Проверено: 25.05.2015.

Бенда Ж. 2009. *Предательство интеллектуалов*. — М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум.

Бурдые П. 1994. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир. — Бурдые П. *Начала. Choses dites*. — М.: Socio-Logos.

Гаман-Голутвина О.В. 2006. *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Гилден А., Шевелкина А. 2011. Сурков — путинский Распутин. — *InoPressa. Иностранная пресса о России и не только*. — Доступно: <http://www.inopressa.ru/article/16dec2011/lexpress/surkov1.html>. — Проверено: 25.05.2015.

Голиченко Т.С. 2004. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований. — *Социология: теория, методы, маркетинг*. — № 2.

Демури́н М. 2014. Главная болезнь России: 150 лет диагнозу мыслителя Н.Н. Стрхова, который верен и сегодня. — *Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы*. — Доступно: http://www.stoletie.ru/vzglyad/glavnaja_bolezn_rossii_488.htm. — Проверено: 25.05.2015.

Иванов В.Н. 2005. *Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности*. — СПб.: Изд-во НУ Центр Стратегических Исследований.

Камю А. 1990. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. — М.: Политиздат.

Кислицын С.А., Лубский А.В. 2014. *Элиты и контрэлиты России: вопросы теории и политической практики*. — Ростов н/Д: Дониздат.

Лубский А.В. 2011. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность. — *Научная мысль Кавказа*. — № 4 (68).

Лубский Р.А. 2014. *Российская государственность как социальная реальность*. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования.

Макаренко В.П. 2001. Кавказ — концептологический анализ. — *Социологические исследования*. — № 12.

Макаренко В.П. 2008. Политическая концептология: первые итоги разработки. — *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. — Т. 6. — № 2.

Нарский И. 2009. Российские интеллектуалы XIX–XX веков (несколько предложений по поводу теоретической рамки обсуждаемой проблематики). — *Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения*. — М.: Университетская книга. — Т. 16.

Сеннет Р. 2003. *Падение публичного человека*. — М.: Логос.

Слотерда́йк П. 2009. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА.

Собчак об уходе Суркова с поста главы администрации президента. 2012. — *812`ONLINE*. — Доступно: <http://www.online812.ru/2011/12/22/010/>. — Проверено: 25.05.2015.

Стрхов Н.Н. 2010. *Борьба с Западом*. — М.: Институт русской цивилизации.

Тоффлер Э. 2002. *Шок будущего*. — М.: ООО «Издательство АСТ».

Тощенко Ж.Т. 2015. *Фантомы российского общества*. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Уайльд О. 2000. *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе, Лекции и эстетические миниатюры. Письма*. — М.: ТЕРРА.

Усманова А. 2005. Философия и позиция критического интеллектуала сегодня. — *Топос*. — № 1. — Доступно: <http://belintellectuals.eu/publications/200/>. — Проверено: 25.05.2015.

Фадеева Л.А. 2012. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада. — *Диалог со временем*. — Вып. 41. — Доступно: http://roii.ru/dialogue/41/roii-dialogue-41_6.pdf. — Проверено: 25.05.2015.

Хабермас Ю. 2006. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. — *Неприкосновенный запас*. — № 3(47). — Доступно: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>. — Проверено: 25.05.2015.

Я требую... 1996. «Я требую от власти ответственности!». Беседа с главным редактором «Художественного журнала» Виктором Мизиано. — *Логос*. — № 6 (16).

- Annan N. 1955. *Intellectual Aristocracy*. — *Studies in Social History* / Ed. by J. Plumb. — L.: Longmans.
- Aron R. 1957. *The Opium of the Intellectuals*. — N.Y.: Doubleday & Company, Inc.
- Etzioni A, Bowditch A. 2006. *Public Intellectuals: An Endangered Species?* — N.Y.: Rowman & Littlefield.
- Gattone Ch. F. 2006. *The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World*. — N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers.
- Heyck T.W. 1982. *The Transformation of Intellectual Life in Victorian England*. — L.: Croom Helm.
- Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement* / Ed. by Alain G. Gagnon. 1987. — N.Y.; L.: Praeger.
- Lippman W. 1927. *The Phantom Public*. — N.Y.: Macmillan.
- Lipset S.M., Dobson R.B. 1972. The Intellectual as Critic and Rebel; With special reference to the United States and the Soviet Union. — *Daedalus*. — Vol. 101. — N 3.
- Lyotard J-F. 1993. The Tomb of the Intellectual. — Lyotard J-F. *Political Writings*. University of Minnesota Press.
- Posner R. 2002. *Public Intellectuals: A Study of Decline*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Russel B. 1957. *Power: A New Social Analysis*. — L.: Allen&Unwin.
- Said E.W. 1994. *Representations of the Intellectual*. — N.Y.: Vintage books.
- Schumpeter J.A. 1942. *Capitalism, Socialism and Democracy*. — N.Y.: Harper & Row.
- Shils E. 1970. The Intellectuals and the Powers: Some perspectives of Comparative Analysis. — *On Intellectuals*. — N.Y.: Garden City.
- The Phantom Public Sphere* / ed. Br. Robbins. 1993. — Minneapolis: University of Minnesota Press,
- Wierck P. 1953. *Shame and Glory of the intellectuals*. — Boston: Beacon Press.